

ТАНЕЦ и СЛОВО

ТРУБНИКОВА
ТАТЬЯНА

*История любви
Айседоры Дункан
и Сергея Есенина*



РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т77

Трубникова, Т. Ю.

Т77 Танец и Слово. История любви Айседоры Дункан и Сергея Есенина / Т. Ю. Трубникова. — М. : РИПОЛ классик, 2017. — 576 с.

ISBN 978-5-521-76300-9

История знакомства и любви, жизни и смерти поэта Сергея Есенина и танцовщицы Айседоры Дункан — не увлекательный роман, а цепь трагических обстоятельств, приведших сначала его, а через два года и её к неминуемой гибели.

Союз, поразивший современников и оставивший множество вопросов для последующих поколений. В талантливой танцовщице поэт встретил женщину, гениальностью не уступавшую ему самому.

Книга Татьяны Трубниковой — тонкое исследование взаимоотношений легендарной пары.

УДК 82-311.2(02.055.2)

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-521-76300-9

© Трубникова Т. Ю., 2015
© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», издание,
оформление, 2016



Она, летящая над жизнью, всегда ощущала себя наследницей древних богов. Её так и звали: божественная. Да она и сама знала это о себе. Сильное тело с прекрасными, текущими линиями делало каждое её движение исполненным тигриной грации и бесконечного, идущего изнутри, из самой сути её существа, обаяния. Богиня, рождённая из пены. Она — дочь ветра и волн, легкокрылого полёта птицы и пчелы.

Исида — таким было её имя. Подобно древней богине, властной над жизнью и смертью, благоденствием и трагедией, вмещающей в себе самой — всё...

Но ещё она была просто женщиной. Да, её обожали и превозносили, ею восхищались и бесконечно удивлялись её власти над зрителями. Едва она делала малейшее движение, самое простое, даже не связанное с ритмом мелодии, все взгляды устремлялись на неё. Только на неё, потому что не смотреть на неё было невозможно. В каждом повороте головы на грациозной шее, в каждом шаге сквозила её божественная сущность.

И ещё она всегда смотрела вдаль, будто в просторы океана, где кромка неба сливается с горизонтом, даже если просто смотрела кому-то в глаза. И всегда была безумно влюблена... Но только не сейчас! Увы, увy. Всё кончено. Для неё всё кончено. Её бедное, ушибленное сердце! Так она думала в этот вечер.

Исида сидела в театральной ложе. Зал был колоссален по своему размеру и избыточно роскошно оформлен. Огромный занавес красно-кирпичного цвета с кистями обрамлял полукруглую сцену. Музыка Стравинского заполняла собой всё пространство. Она дрожала: этот композитор — гений. Звuky, рождённые им, глубоко проникали в её истомлённое, ис-

сушенное сердце. Они раздирали её, ранили, хотелось рыдать. Русский балет Сергея Дягилева в Гранд-опера в Париже. Новая «Весна священная». Шумный успех. Машинально она отмечала в постановке черты, заимствованные из её танцев. Да, сильное она оказала влияние на русский балет. Фокин — талант, ловкач и молодец. Его «Умиравший лебедь» для Анны Павловой — это обнажение чувств. Исида знала, что до её появления в России русский балет был мёртв, мёртв, тысячу раз мёртв. А вообще, балет она не то что не любила — она его не выносила. Какой изувер мог придумать затягивать прекрасное тело в тугие корсеты, скрывать ноги оборками, а пальцы уродовать пуантами? Но она слушала музыку. Её волшебство уносило далеко-далеко от золочёной логи, ввысь, туда, где расписанный летящими ангелами потолок, казалось, растворился в бескрайнем небе...

Исида уже знала, как можно танцевать под эту музыку. Звуки воспламенили её чувства. Сгорая, она могла двигаться так, что зрители запоминали её танец на всю жизнь. Вот и сейчас, прикрыв глаза, она видела себя свободной, в обычной своей прозрачной тунике, порхающей по сцене босиком...

Париж! Сколько счастья было здесь, сколько успеха и — одно самое страшное горе, горше которого не бывает на свете. Не забыть. Ничто уже не изменит излома печали в линии её губ. Великая, необузданная, как вулкан страстей, бессмертная и несчастная Элеонора Дузе, всмотревшись в её лицо, сказала однажды, что на её лбу — печать трагедии. Всё так и есть.

Исида слушала музыку иначе, чем другие люди. Потому что впускала её не только в душу, она впускала её в своё тело, в самую его сердцевину, а потом, замерев, следила, как музыка эта начинала жить в ней, ввинчиваясь бесконечной спиралью в руки, ноги, шею.... Каждая клеточка её тела начинала вибрировать в одном ритме с этой музыкой. Живя в ней, дух музыки свободно распоряжался её движениями. Она становилась совершенно безучастной к окружающему: всё, что не эта звучащая сейчас музыка, переставало для неё существовать. Она не знала, какое следующее движение будет в её танце, потому что сама становилась музыкой, отдавая тело в безраздельную власть её духа...

Как ужасно, что тело не может быть молодым вечно. Но что же всё-таки её ещё держит здесь, в Париже?! Внезапно от этой горькой мысли она очнулась, едва не захлебнувшись обрушившимся аккордом.

Она не танцевала, а сидела в ложе. Чёрное платье из бархата и тончайшей органзы, расшитое вручную синими и голубыми текучими цветами, было свободным, мягким, струящимся. Но и оно не было совершенно в её вкусе. Будь её воля и не будь светских условностей, всю жизнь ходила бы в свободной греческой тунике. Голубой — её любимейший цвет. Шёлковый шарф на плечах свисал длинной бахромой. Он очень нравился Исида, потому что благодарно отвечал каждому её движению...

Открыв глаза, Исида увидела незнакомого человека. Нет, она не испугалась. Она вообще никогда ничего не боялась, с самого детства, а пережитая трагедия и вовсе сделала её любопытно-бесстрашной.

Человек взял её руку и медленно поднёс к губам. Бородка и усы щекотали кожу. Станные внимательные глаза за очками смотрели на неё, не мигая и обволакивая... Она не могла оторваться от этих глаз, от некрасивого, в общем-то, лица незнакомого мужчины. Наконец, он заговорил: что просит прощение за вторжение, что восхищён её талантом, что он из Советской России. Слышала ли она, Исида, о такой стране? Говорил по-французски он прекрасно, хотя и с акцентом. В его словах она прочитала замаскированную иронию. Да, она слышала о такой стране! И она восхищается «рус революус»! Исида говорила с вызовом. Пламя, ещё недавно дремавшее в ней вместе с печальными мыслями, вдруг ожгло её вдохновенное лицо, осветило синие, будто брызги моря, глаза.

Человек удивленно и радостно поднял круглые брови. О! Он видел её в зале Дворянского собрания в Санкт-Петербурге в 1905 году. Творилось нечто невообразимое. Небывалый триумф! Странное чувство испытал он, глядя на неё тогда. Будто слышал шелест прибора, которого не было, будто видел виноград, который она срывала своими прелестными руками-лебедями, будто ветер моря коснулся его горячих щёк... Всё это было вызвано к жизни движениями её тела. Сначала он

думал, что сходит с ума, думал, что он — один такой, однако потом убедился, что окружающие видели то же... Тогда он понял, что она — божественна. «Божественная Исида», — сказал он ей, проникая в её глаза странным своим взглядом.

Лишь музыка Стравинского заставила очнуться Исиду и понять, что антракт окончился. Потому что человек, назвавшийся Григорием, говорил о Советской России. Говорил вдохновенно и страстно, как одержимый.

Поневоле она заряжалась его необычайной энергией и энтузиазмом, потому что по сути своей тоже была революционеркой. Всегда, с самого детства. Делала всё, что хотела. Благо, мать не ограничивала её, не одергивала, впрочем, как и её старшую сестру и двух братьев. Но это неважно: они — не революционеры, она — да! Исида помнила, как пяти лет отроду сражалась с воспитательницей за право иметь своё мнение о том, что Санта Клауса не существует! Её наказали — пусть, но правда дороже! Помнила, как бросила школу в десять лет. Школой для неё стало выживание в глухих к страданиям бедняков американских мегаполисах, а образованием — встречи с самыми просвещёнными поэтами, писателями, художниками, скульпторами и композиторами её времени, до вершин которых Исиду вознес гений природного танца.

Ещё девочкой она убегала с занятий к берегу моря, чтобы танцевать. Там, вдали от посторонних глаз, она сбрасывала с себя всю одежду, потому что нелепое платье с множеством юбок не позволяло солённому ветру ласкать её ноги, а ботинки-колодки тянули к земле, и кружилась нагой на песке. В те волшебные мгновения она была свободна и совершенно счастлива. Свобода для неё всегда была символом и синонимом счастья, непременным условием полёта души...

Всё, что мешало этому полёту, она безжалостно рушила. Её шею и пальцев никогда не касалась тяжесть драгоценностей — они отнимали у неё свободу! Она не признавала брака и условностей, связанных с ним.

С каждым словом Григория Исида увлекалась всё больше и больше. Будто зримо видела великое будущее великой страны, построенной заново. О! Их законы, идеи, стремления — всё напоминало вдохновенную Древнюю Грецию, в которой

жили по-настоящему свободные люди! Грецию, которая всегда была для неё идеалом. Грецию, в которой процветали искусства, в которой вольные мысли воздвигали идеальные в своих пропорциях храмы, и где даже одежда ниспадала свободными складками.

О, новая страна! Григорий сказал, что сейчас этот новый мир, воздвигнутый гением вождя, страшно лихорадит. Голод и война, неприятие со стороны других стран и множество врагов внутри. Всё это раздирает молодую республику. Но у них есть главное — будущее! Их идеи проникнут во все умы во всём мире, а потом будет мировая революция!

Исида смотрела в купол зала, вместо люстры — бездонное небо, и ангелы расступились перед красным закатом... Балет шёл к концу, но она уже не следила за тем, что происходит на сцене. Она не могла больше слушать Стравинского. Ей хотелось сейчас, именно сейчас, чего-то другого, ещё более мятежного, ещё более бурного, что могло бы хоть на мгновение заглушить ту боль, которая теперь всегда жила в ней.

— Выйдем, — сказала она.

С балкона Гранд-опера открывался величественный вид на площадь Оперы и разбегающиеся в стороны и вдаль улицы. Прохладный ветер немного успокоил её.

— Приезжайте в нашу страну, — вдруг сказал Григорий.

Она встрепенулась, будто её прожгла молния. Григорий даже вздрогнул — таким жаром полыхнуло её лицо.

Она перевела взгляд на город. Сверкающая огнями площадь врезалась в память этим мгновением. Небо вдруг стало ближе. Боль отпустила.

— Как?! Что я там буду делать?! — спросила Исида.

— Жить, творить, дарить себя детям. Мы организуем для вас школу танца. Вашего танца! — ответил Григорий.

Не переводя дыхания, сразу спросила:

— Сколько детей у меня будет? Я хочу — тысячу.

Он обещал.

Это была её давняя мечта. Правда, у неё была когда-то своя школа, её рай, где она могла учить детей танцевать. Сначала она содержала её сама, потом — Лоэнгрин. Так она его

звала, рыцарь, спасший её, как настоящий Лоэнгрин спас принцессу Эльзу. Лоэнгрин позволял Исиде бездумно тратить деньги, потому что обожал её.

Мечта жгла её сердце. Передать своё ощущение музыки десяткам юных созданий. Передать им гений своего жеста, зримое воплощение всех оттенков чувств и мыслей, заключённых в таинстве льющихся звуков. Перед сном, едва Исида закрывала глаза, она видела мысленным взором чудо-танец, не сольный, а исполняемый с двумя десятками танцовщиц. У каждой — своя партия, своя линия, подобно тому, как в оркестре каждый музыкант вплетает в общее звучание свой оттенок мелодии. Этот танец-оркестр столь чудесен, что от него невозможно оторвать глаз. Ожившая музыка. Девятая симфония Бетховена.

Совсем недавно мечта о большой школе уже готова была осуществиться. В Греции! Сам Венизелос обещал им. Увы, короля Константина укусила обезьяна, и он умер. Досадный случай. Именно такие меняют судьбы мира. Правительство сменилось, Исиде пришлось уехать. К чему тогда удивляться, что этот вечер в Гранд-опера так обжёг её?! Будто незнакомец заглянул на самое дно, в самый тайник её души и вынул оттуда нечаянное, трепетное, самое важное в её жизни...

Григорий был рад, очень рад её согласию. Хотел поцеловать её руку. Но она схватила его ладонь и с силой, по-мужски встряхнула. Он рассмеялся:

— Хорошо, товарищ Исида! Будем вместе!

Очарованная, она задумчиво шла по Гранд-опера. Ниши, украшенные причудливой лепниной в виде сказочных растений и цветов, массивные золотые светильники, необозримый расписанный потолок — всё странным образом откликалось в ней. Исида не любила вычурность отделки, она понимала красоту тоньше. Но высота потолков, напротив, ей нравилась. Именно благодаря ей она чувствовала себя здесь как дома. Королевская академия музыки и танца — так назывался этот дворец во времена Короля-Солнца, а позже на фронте появилась надпись: *Academie Nationale de Musique*. Апполон над куполом простёр руки с лирой к небу. Не только греки строили великие храмы...

Исиду вдруг пронзила отчётливая мысль: она сюда не вернётся. Неужели это так? Смотрела на статуи, на маски радости и горя, стараясь запечатлеть их навечно. Как всё это похоже на её жинь... Бесконечная смена декораций... Как же она устала от фальши! И только горе её неизбывное — подлинно.

Ей страстно захотелось сбросить со своих плеч Париж, роскошь его дворцов, его узкие улицы. О, боль!... Зарыть её в белых холодных снегах, в необъятных просторах этой новой страны. Она помнит их — видела из окна поезда. Чёрное и белое. Только страна тогда была другая. Другая страна на тех же снежных просторах...

Удивительные вещи говорил ей Григорий, будто видел её сердце насквозь: что у неё лицо человека, порвавшего все связи с жизнью и не знающего, куда двигаться дальше, какой сделать шаг. Мёртвое лицо. Он прав. Исида вздрогнула. В самом деле, что ей осталось? Жизнь выпита до дна. Горчайшая цикута. Что в ней было, кроме Гения жеста, невероятным образом вселившегося в неё? Всё остальное — иллюзия, всё остальное было отнято...

Человек из ложи — странный, проникающий в самую душу, как дьявол, — говорил нечто столь удивительное, что сердце снова забилося. «Есть на свете страна, где вы могли бы забыть всё. Потому что это не то, что можно встретить в других частях света. Новый Эдем. Первородная земля. В ней всё заново, с чистого листа. У всех. Там ваше место...»

Много позже, вспоминая эту встречу, она думала, что Григорий будто околдовал её. И время пропало — после антракта. Будто и не было его. В чём дело? В её воображаемом танце под музыку Стравинского? В странном взгляде Григория через стёкла очков? В её безутешном горе и понимании своей ненужности, отчужденности от этого любимого когда-то города, от всех людей, также любимых когда-то? Или в том, что она рассталась недавно с обожаемым Архангелом, её вторым гением, и чувствовала себя вырванной из жизни с корнем? Но самое нелепое и, пожалуй, пугающее заключалось в том, что у неё было ощущение, будто Григорий говорил ещё что-то, но она забыла, забыла сразу же, в то же мгновение.

Что?! Какие-то русские слова... «За-ла-та-я га-ла-ва»... Что это?

Теперь перед ней лежало письмо, размашисто подписанное высоким чиновником из правительства «нового Эдема». Кто он, этот человек со звучной скорпионьей фамилией? Письмо построено чётко, тонко, вежливо, властно и вместе с тем тепло. Оно — её охранная грамота, её виза, её дверь в неизвестность.

О, какую истерику устроила её лучшая подруга Мэри, когда узнала о решении ехать, смотреть на «рус револююс»! «Безумие! Тебя убьют! Они варвары!».

Исида пожала плечами: не всё ли ей равно, хоть бы и убили, — не начинала ли она свою жизнь много раз с тех пор, как родилась? Чего стоит её нищее детство с бесконечными переездами из одной конуры в другую!

Отвратительное ощущение: помнить, что слышала нечто странное от Григория, и не иметь силы восстановить это «нечто» в памяти. Будто ударилась головой и всё забыла. Такого не бывает! Что он говорил ей? Что?!

Слёзы сами собой потекли по щекам. Всплыло американское детство — удивительным образом, чётко, в лицах, жестах, ощущениях. Она всегда всё воспринимала через движение.

Её мать, переживавшая крушение своей единственной в жизни любви, была беременна ею и чувствовала такое отчаяние, что ничего не могла пить, кроме шампанского, и есть, кроме устриц. Исида шутила потом: «В утробе матери я питалась пищей Афродиты. Потому и танцевать начала там же...»

Что первое она запомнила? Кроме пожара в дешёвой мебелирашке и крепких рук, спасших её, — ужас при упоминании отца. Для матери он был дьяволом во плоти. Исида даже думала, что у него есть рожки. Велико же было её изумление и детский восторг, когда она впервые увидела седовласого красавца мужчину! Он кормил её мороженым в шикарном кафе. Перед ней была целая сладкая гора, обильно политая шоколадом. Она методично уничтожала её. Раньше в своей жизни она и не видела такого великолепия.

Отец спросил её: